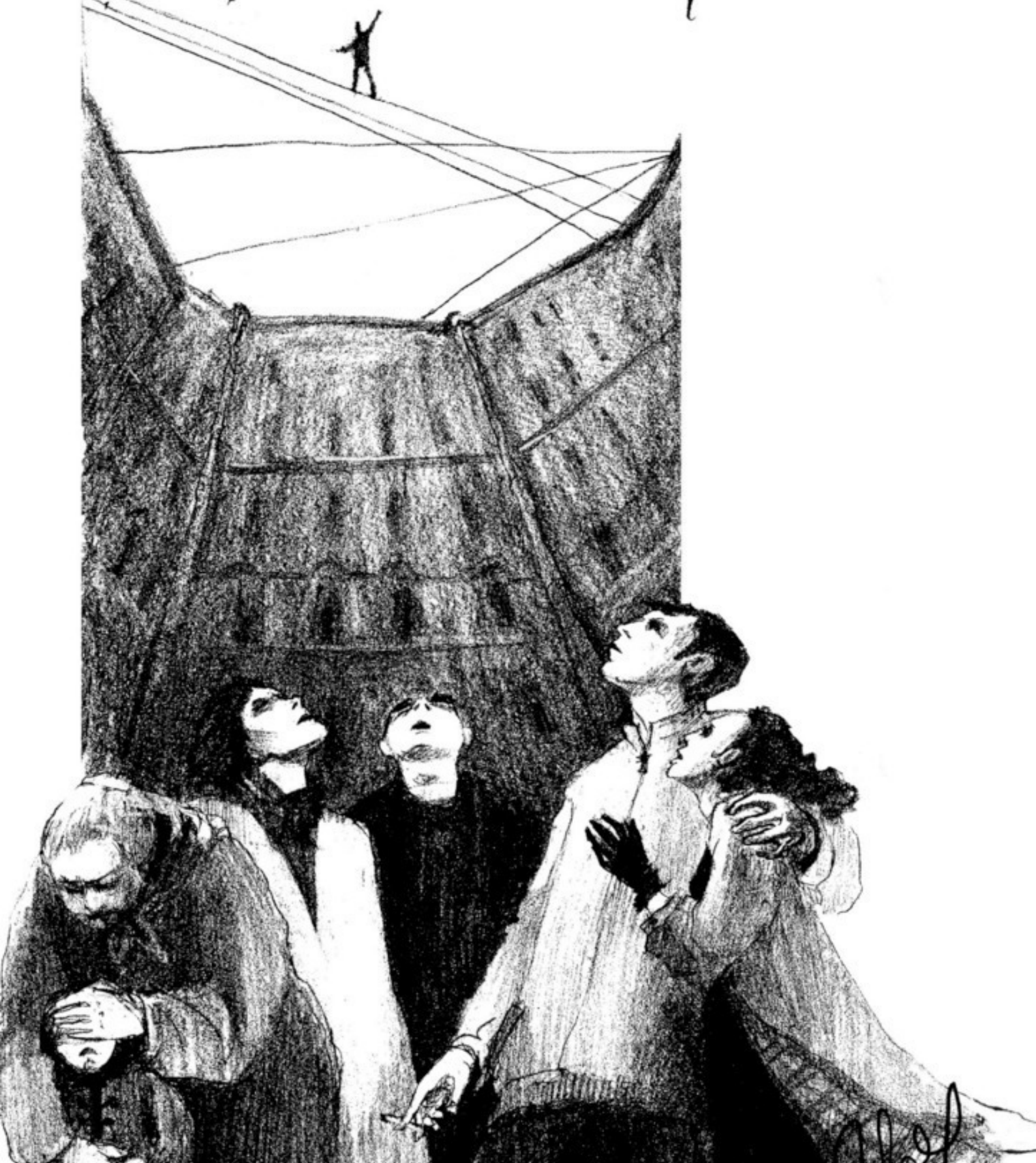


Михаил Панюшкин

Дорога в лето...



Михаил Панюшкин

Дорога в лето

«Издательские решения»

Панюшкин М.

Дорога в лето / М. Панюшкин — «Издательские решения»,

Это книга о том, как странно может повернуться твоя судьба, если ты просто взял и уехал из собственного города в попытке достичь мечту. Это книга о дружбе и безразличии, о фонарях и о железных дорогах, о перекрестках и обочинах трасс. Но самое главное — это книга о людях, которые просто живут в этом городе.

© Панюшкин М.

© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| I. Мир | 6 |
| II. Мир | 9 |
| III. Художница | 12 |
| IV. Художница | 14 |
| V. Мир | 16 |
| VI. Художница | 20 |
| VII. Мир | 24 |
| VIII. Мир | 27 |
| IX. Художница | 28 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 29 |

Дорога в лето

Михаил Панюшкин

*Устав от чересстрочной лжи телеэкрана
Мы шли по шороху оранжевой листвы
Смотрели в лица. Как их было мало
Среди шагающей по улицам толпы*

*Машины ехали гремящею толпою
Асфальт нашептывал несложные слова
Мол, в этом мире измерялось все любовью
Она исчезла – и надежда умерла*

*Мол, этот город электрического света
Давно на вымирание обречен
Вот только не дотлела сигарета
И светит вечно городской неон*

*Храни же нас от праха и от бури
От нелюбви и пустоты в глазах
Храни нас от ума, от нашей дури
И в радости, и в горе, и в слезах*

*Я знаю, надо верить и молиться
Ведь тот, кто верит, он должен быть спасен
К тебе мы обращаем наши лица
Храни нас вечно, городской неон*

*Огромная благодарность Елене «Сатех» Губаревой, которая
помогла этой книге стать такой, какой она есть.*

© Михаил Панюшкин, 2016

© Елена «Ильче» Ремизова, дизайн обложки, 2016

Редактор Эмма Михейкина

Редактор Юлия Урванцева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Мир

*И ночи в прокуренных
Общих вагонах
Стучащих колесами
На перегонах
Свобода и ветер
Мешались в стаканах
Ты жить начинал
На московских вокзалах*

Поет металл. Ржавые фермы старого железнодорожного моста тихо скрипят на ветру. Прислушайся. Ты поймешь, что это музыка. Шумят трассы – сотни усталых фур тащатся по просевшему асфальту, и еще десятки отдыхают по песчаным обочинам. Встает солнце, освещая заляпанный мазутом гравий.

Как стучит сердце? Два удара, пауза, два удара, пауза. Также стучит и поезд. Обшарпанные зеленые вагоны, которые тянет по полированным железным венам рельс выдавший виды электровоз. Внутри вагонов – тысячи людей. Кто-то читает, кто-то спит, а кто-то нервно курит в тамбуре, оставляя сигаретами черные пятна на крашенных стенках вагонных пепельниц.

Поезд подъезжает к станции. Проводники открывают двери, и протирают закопченные дыханием тепловоза поручни. Кто-то выходит. Потоки пассажиров устремляются по рифленным металлическим ступенькам внутрь. Голос мечется между над платформой. «Стоянка пять минут!».

Она вбегает в двери вокзала и сразу кидается к таксофону, на ходу доставая из кармана мелочь. Бросает деньги в щель монетоприемника и подносит трубку к уху. Недоуменно слушает электрический шум. Потом поднимает глаза вверх и видит крошечную табличку. Она написана синей ручкой и гласит «Таксофон не работает».

Девушка ругается и несколько секунд стоит на месте.

«...Поезд на Москву отправляется!» – звучит из обшарпанного репродуктора голос дежурного. Она еще несколько секунд колеблется, потом бросается к кассам.

– Один билет до Москвы, в общий вагон. Без страховки, пожалуйста.

Хватает билет и бежит к платформе.

Она прибегает слишком поздно. Расталкивая людей, которые почти и не оглядываются на нее, она пробирается к краю бетонной полосы, и лишь затем, чтобы увидеть удаляющийся хвостовой вагон.

Девушка с силой бросает небольшую сумку на бетон, и сама садится рядом, не обращая внимания на пыль. По серому небу плывут серые облака, а что делать совершенно непонятно. Ей хочется плакать, но ведь это никогда не помогает...

– Вернуться? Хера! – бормочет она сквозь зубы и, подхватив сумку, бросается к проходящей у вокзала дороге. Та угрюмо смотрит тяжелыми пятнами разметки.

Поднимает руку. Взвизгнув тормозами, останавливается потрепанная пятерка. Медленно, неохотно открывается окно, грязь скрипит от соприкосновения резиновой прокладки и стекла.

– Я опоздала на поезд. Мне срочно нужно в Москву... – слова такие простые, и их так сложно сказать. Немного надежды, безумной и такой желанной. Всегда кажется, что тебя вот прямо сейчас жестоко обломают.

– Прыгай!

– Что?

– Прыгай!

Трасса. Серый асфальт, белая краска разметки. Машина едет вперед. На небе сгущаются тучи. Первые капли дождя падают в пыль, а потом слезы облаков застилают мир. Они размазываются по лбам машин. Те отфыркиваются и бегут вперед. Мимо домов. Потом строения заканчиваются, и начинается лесополоса по обеим сторонам дороги. Хилые сосны, привыкшие дышать парами бензина. И желтые таблички с черными буквами «Дальше прохода нет. Полигон. Стреляют!»

Водитель – молодой и черноволосый. Он изредка посматривает на девушку, но больше следит за дорогой.

– У тебя такой вид, будто ты из дома сбежала, – говорит он.

Она кивает. Водитель удивленно хмыкает, и сильнее жмет педаль газа. Мотор ревет, машина дрожит. Кажется, будто она прорезает внезапно затвердевший воздух. Но это просто капли дождя, которые растекаются по лобовому стеклу.

Девушка думает только об одном. Что где-то там, вдалеке, едет поезд. Он тоже дрожит, как и автомобиль, но по-другому. Будто испуганное животное, которое поймали и заставили день и ночь бежать по двум мокрым металлическим планкам. Поезду наверняка хочется спрыгнуть под откос. Так, чтобы мосты рушились, и огонь рвался сквозь капли этого дождя. Но ему некуда деваться. В его голове сидит человек, который не даст ему пробежаться по зеленой траве. В обшарпанном нутре вагонов спят пассажиры, они хватаются за ручки, боятся, что их скинет на пол размеренным стуком рельс. И поезд смиряет свое электрическое сердце, и едет дальше, только вперед.

Водитель что-то говорит. Его губы шевелятся. Девушка будто просыпается от тяжелого сна.

– Все, дальше мне поворачивать.

Она достает кошелек. Водитель смотрит на нее недоуменно.

– Да убери ты свои деньги, дура! – Зло говорит он. Потом выпрыгивает из машины и, размахивая руками, выбегает на дорогу. Поднимает руку. Другой водитель нажимает на педаль, и тормозные колодки врезаются в диски, срезая тончайшую металлическую пыль. Эта пыль пытается плясать в воздухе, но ее тут же прибивает к земле дождем. Машина останавливается, тяжело дыша.

– Подвезите ее. Она на поезд в Москву опоздала, а мне поворачивать, – говорит черноволосый и хватается за ручку.

– Залезай!

Дождь стучит по крышам и почти скрывает происходящее вокруг. Его струи заслоняют стекло, и деревья вокруг пляшут в тумане. На их зажигательное танго можно смотреть вечно.

Водитель седой, с короткими волосами. Он откинулся на сиденье, покрытое ковриком, сделанным из деревянных бусин. Девушка мельком вспоминает, как отец рассказывал ей, что такие накладки способствуют кровообращению при долгих поездках.

– Я с двадцати лет вожу. Тридцать лет на этой работе. Работаю и работаю, как робот. Три аварии уже было. В первой и второй еще нормально, а вот третья, два года назад... Сломал позвоночник, ставили штифты. Теперь вот ходить не могу, только езжу... У меня дочка такая же, как ты растешь, – говорит водитель безразличным голосом, будто читая какую-то скучную сводку новостей. А сам смотрит на дорогу, и в его глазах блики фонарей. Ими горят они... Фонари – это город, и машина врывается в него, рассекая лужи, проносясь мимо сонных окон. Там смотрят телевизор, там тепло и сухо.

Здесь – машина летит над мокрым шоссе, едва касаясь колесами асфальта.

– А что будет, если ты не успеешь? Одна, в трехстах километрах от дома?

– Я не могу опоздать!

И мелькают фонари. Девушка сидит и смотрит в пустоту.

– Мне здесь налево. Погоди.

Он махает руками, высунувшись наполовину из машины.

Музыка влезает в уши, а фонарный конвой высвечивает на дорожном полотне названия трасс. Они словно имя бога для тех, кто живет дорогой. Кто сильнее, кто более прав, бог М4 или бог А105? Девушка об этом не знает. Она видит яркие блики города, которые взрезают темноту, и бежит, и асфальт бьется сквозь тонкие подошвы. И вот здание вокзала – суетливый муравейник.

– Поезд по третьему пути. На Москву.

Девушка стоит под дождем, и смотрит в небо. Капли хлещут ее по щекам. Она заливается смехом, обхватив себя руками, будто боится улететь. Из динамиков рвется музыка:

*До свиданья, мой любимый город
Я почти попала в хроники твои
Нам с тобой так мало, надо для двоих...¹*

Если тебе очень нужно успеть, то ты не можешь опоздать.

¹ Земфира

II. Мир

*Так хотелось разузнать
Где сорвутся вены рельс
Рассекавшие в обломки
Этот город чудес
И ты вывернул карманы
Там всего ничего
Но молил ты на коленях
Тебе дали его
Весь прожженный и промокивший
Словно ела вода
Пропуск в общий вагон
На экспресс в никуда*

Девушка сидит у запотевшего окна. Попутчики ее уже спят – они успели расспросить, что случилось, и, довольные интересной историей, отвалиться на полки, укрывшись колючими одеялами. Ей же хочется поймать момент, когда, наконец, покажется Москва. И она рисует пальцами на плачущем стекле. Несколько линий – это домик, с окошком. В нем горит свет. Беленькие обои в голубой цветочек, и тарелки с едой на столе.

Мать и отец устремили остекленелые глаза в линзу телеэкрана, стремясь сквозь муть помех вычленить идеальный мир и поверить в него, уйти внутрь. Но вот начинаются титры, и песня врывается сквозь картонный динамик и резко звенит под желтым полу облупленным потолком. Девушка автоматически переводит с испанского:

*Я меняю боль на свободу
Меняю слезы на сон
Который будет продолжаться
С тобой...*

Мать вздыхает и нажимает на кнопку выключения. Электронная пушка перестает поговаривать люминофор, и притягательный мир исчезает из поля зрения. Но, на самом деле, ничего не меняется – этот мир летит сквозь эфир, пусть и разложенный на синусоидальные волны. А люди так долго смотрели в электроразряды кинескопа, что скоро начнут понимать их и без помощи техники.

– Пора бы уже и поумнеть. Ты что, не знаешь, что в столице ничего без денег не делается? Там же страну давно продали! – это мать. У нее уставшее лицо. Она говорит, что ей давно нужно отдыхать. Когда она вернулась из отдыха, ее глаза стали еще более злыми. Только кожа разгладилась.

– Брось ты свои планы дурацкие. Можно вон пойти ко мне в магазин работать. Сколько можно Ваньку валять! Здоровая кобыла уже, а все мечтает! – это отец. У него белые руки, испачканные черными чернилами. Он много пишет.

– А скоро вон твой ухажер должен прийти. Небось, цветов опять принесет. Ты с ним поласковее, хороший парень, в конце концов, – говорит мать и вытаскивает из тарелки ложку, звучно ее облизывает.

– Да не ухажер он мне! И дурак, – девушка поднимает глаза к люстре, и видит мусор, просвечивающий сквозь дно плафона.

– Ты мне тут поговори, такими мужиками разбрасываться! – мать кидает на стол ложку, так, что кажется, будто она погнется. Но нет, только звенит металл.

Запертый в стенах семейный скандал. Крики, и злость – когда люди уже перестают думать, зачем они пытаются оскорбить другого. Попытки убедить в ничтожности – без смысла, без цели. Просто так. Когда гордость уже не дает рассуждать, и только поднимается в глазах слезами или гневом. И хлопнувшая дверь

– Да пошли бы вы все на хуй!

Телефонный звонок.

– Помнишь, ты проиграл мне желание? Подвези до вокзала! Не можешь? Ладно, добегу. Успею!

Но ведь она все равно успела, пусть и, продравшись сквозь трассу, просто появились люди, которые смотрели на нее, и понимали, что это – когда действительно нужно. Действительно нужно – это когда иначе нельзя. Сделать по-другому – проще умереть. Это чувствуется. Не нужно объяснять.

И снова прокуренный и продрогший насквозь общий вагон. Слезы дождя на стекле – он уже сдался, не может проникнуть внутрь, его победил зверь, которому осточертели победы. А в слезах дождя – солнца фонарей. Сгорбленные, они бегут мимо, и вот уже темно, а потом снова светло, и неразборчив голос дежурного, объявляющего поезд, – слова гудят металлом и мечутся над платформой. Да и какая разница, каждая новая остановка лишь вежа в пути. Вот два человека с клетчатыми сумками:

– Возьмите платок, пива, чипсов, – это пропитым и охрипшим голосом.

– Спасибо, не надо, – дежурная фраза девушки, и она снова смотрит в окно, сквозь обшарпанную надпись «закрывается на зиму», со стертой буквой «к», так что получается «зарыто на зиму», – господи, какое там на зиму, ведь лето уже. Она смотрит и на проносившиеся мимо понурые дома.

Так проходит время. И вот, стуча теплыми и высохшими колесами о стыки рельс, поезд прибывает в Москву. Запыленный вокзал, покрытый выцветшей желтой краской, привычно ждет, его потрескавшиеся от ветра и дождя платформы столь же привычно терпят ноги пассажиров. Люди торопятся – и те, что спешат попасть поскорее в железное чрево поезда, и те, пропахшие мазутными экскрементами зверя, что уже проделали свой путь, и те, что ждали последние минуты перед Дорогой, докуривая пропитанные городским туманом сигареты. Лишь некоторые стоят и смотрят по сторонам, взрезают выбивающую шагами сложный ритм толпу. Они осматриваются по сторонам – кому-то нужен десяток секунд, чтобы привыкнуть к ритму города, а кто-то просто не знает, куда идти.

Девушка смотрит вокруг и не понимает, куда идти. А ее серая ветровка кажется идеальной маскировкой на фоне асфальта, а черная сумка через плечо еще более смешивает ее с окружающим миром, делает частью пейзажа. Кажется, будто она стоит так уже сотни лет.

Как все было просто несколько часов назад, хотя и казалось так сложно! Но тогда были решения. А сейчас есть только направление. Надо найти телефон...

– Вы не подскажете, где здесь можно позвонить?

– На вокзале.

Пройти к наполненному тысячами запахов огромному дому, скроенному безумным архитектором из мириад кубометров бетона, тысяч погонных метров металла, и миллионов квадратных метров стекла. Немного посмотреть на то, как его чрево изрыгает очередной поезд, который будет полировать рельсы на сотни километров отсюда.

А вот и висящие на стене синие ящики телефонов. Подойти, снять трубку, посмотреть в глаза кнопок, не замечая, как они уставились, одиннадцать внимательных гляделок. Пробежаться по их гравированным сетчаткам подушечками пальцев, не понимая, куда здесь кидают монеты. Взгляд падает на надпись «таксофон работает только от карточек».

Тот, кто звонит рядом, оставляет прямоугольник в приемнике.

– Тут осталось две минуты, все равно выбрасывать, надо?

Внезапно и парадоксально озябшими от тепла пальцами бить в цифры. Этот номер девушка наизусть, заучила еще давно. Может быть, он отзовется? Гудок, два, щелчок, короткие гудки. Бросили трубку? Перезвонить. Гудок, два, щелчок, короткие гудки. Будто искусственный смех старых клоунов, не умеющих веселиться по настоящему. И так шесть звонков подряд. Он поднимает трубку, и сразу кладет ее. Что-то случилось? Телефон тихо гудит – где-то рядом проехал поезд. Еще раз набрать номер, щелчок, короткие гудки. Но пока еще все не так плохо, это утро, пусть и холодное, но солнце светит все ярче, пока еще можно ходить по городу, смотреть на бетонные иглы и на обветшалые домики, очень хочется спать, но что еще делать? Пока – только надеяться. Ведь надежда – намного лучше, чем ничего.

III. Художница

*Дрожат огни
На нотах серых балюстрад
Мой город пуст
Гранитом уличных камней
Я слышу пульс
Укрытых пылью автострад
И гул земли
Под твердым настом площадей*

И что? Ведь еще пару месяцев назад говорил – если что, заезжай. А сейчас нет – забыл, уехал? Мечешься по улицам, а дома смотрят на тебя желтыми глазами окон. Последние этажи – так далеко, что не видно, что происходит внутри, они кажутся яркими пятнами. А на первом этаже стоит человек. Он смотрит на тебя. Тыходишь к стеклу, и пытаешься взглянуть ему в глаза. Они серые, как ночь города. Кажется, будто Москва смотрит на тебя, пронзает взглядом насквозь.

В дыхании города – запах мокрых сигарет и сладкая гарь сгоревших нефтяных фракций. В глазах города – каннабисовая краснота и муть алкалоидов. В мозгу города яркие краски токсикомании – он надыхался сгоревшим бензином и жженым табаком.

А ты бежишь по улицам – и свет падает на тебя, и кажется, будто это светят окна поезда. Но только почему он едет так медленно? Он приехал на последнюю станцию? Но ведь это же был экспресс в никуда, то есть, получается, до этого самого «никуда» можно доехать?

А ведь, пожалуй, это и есть то самое «нигде». Оно есть там, где ты не существуешь. А для тех, кто вокруг, тебя и в самом деле нет. Видишь, как они проходят мимо? Иногда их взгляды равнодушно скользят по тебе – ты слишком невзрачно одета, чтобы привлекать внимание. Кто-то не замечает тебя настолько, что толкает плечом, и ты отшатываешься, падаешь на серый асфальт. Но этот кто-то даже не замечает, что толкнул тебя, он бежит дальше – наверное, хочет побыстрее добраться домой с работы. Он тебя просто не увидел, не заметил. И те, кто идут дальше, тоже не заметили, они усердно шагают, что им до тебя.

Ты опираешься руками, встаешь, и некоторое время задумчиво смотришь на поцарапанные руки. Облизываешь кровь. Между пальцев видны гнутые спины мостов. Ты идешь к ним – ветер, он рвет с тебя легкую куртку, но ты и этого не замечаешь – бесцельно бродишь туда и обратно по тротуару, теперь ты следишь за прохожими. Ты затаилась, ждешь, когда на тебя хоть кто-то взглянет.

И время идет, ты вынимаешь часы из кармана. Часы мужские, потертые и побитые. Но работают, упрямо вращают шестернями и отсыпают время горстями на весы жизни. Темнеет, и ты сноваходишь к таксофону. Снова бросают трубку, ты набираешь еще раз, и результат тот же. Может быть, раньше ему и не было все равно, но сейчас ему плевать. Ты швыряешь трубку об стекло, оно покрывается радужной паутиной трещин, но даже злостью не купить внимания больше, чем на секунду – взгляд пары прохожих и ты снова забыта.

Вернуться обратно? Ты помнишь, как дойти до вокзала, это не так уж и далеко. Просто сдаться – и снова будет все то же самое, и мать встретит на пороге с торжествующей улыбкой. И отец начнет рассказывать про то, как хорошо работать в его магазине. А тот мальчик снова будет приходить к тебе домой, пить пиво и рассказывать о работе, доме, а родители будут по вечерам говорить о том, что пора бы уже и замуж. Еще продолжать?

– Хера! – говоришь ты.

Ноги сами несут тебя на странную улицу, будто прошитую вдоль линиями фонарей. Они лучше солнца, потому что светят, когда надо. Хотя нет. Потому что солнце нельзя забрать себе.

А с лампой проще – каждый может, придя домой, зажечь свою маленькую звезду. И радоваться тому, что она только его. Ты смотришь в мостовую. Она покрыта керамическими плитками. На одной из них написано «звезда моя!»

– Тварь, – говоришь ты и плюешь вниз.

Здесь так много людей, но они идут медленнее. Тебе кажется, что вот-вот кто-нибудь обратит на тебя внимание. Но это не так, рубеж не перейти. Тем, кто поют под облупленной стеной с надписью «Витя ты в нашем сердце», ты не нужна. Просто...

– На пиво не добавишь?

Вот-вот. Обратили.

– Отвали.

Ты идешь дальше – и проходишь мимо фонтана, на котором стоит пошлая позолоченная фигура. Присаживаешься на бордюр – ноги устали, а еще вся ночь впереди. Ночь? А потом день? Долго до того, как свалишься, а, мечтательница? Но сейчас так не хочется об этом думать. И ты смотришь на черноволосую женщину с растрепанными волосами. Она поет незнакомую песню.

IV. Художница

*Пой мне
Это будет моей болью
Это будет моей любовью
Я услышу все, что ты мне споешь
Может
Это станет моей ложью
Перепутать совсем несложно
Что такое правда, что ложь²*

Одна девушка, оставив бутылку пива, хватает лежащую рядом с гитарным чехлом запыленную пеструю вязаную шапку, и обходит с ней людей. Кто-то кидает деньги, кто-то пожимает плечами. А девушка идет все дальше, она заглядывает в лица. И что-то говорит каждому. На девушке растянутый яркий свитер, и забрызганные джинсы клеш. На руках – бисерные плетеные фенечки. Вот она подходит к тебе, и ты внутренне сжимаешься. Неужели сейчас произойдет то же самое, и девушка посмотрит сквозь тебя? Нет, она смотрит прямо в глаза. Губы ее вздрагивают, но не произносят заранее заготовленной фразы «помогите музыкантам». Она улыбается тебе, и говорит:

– Привет! Давно в Москве?

Ты не знаешь, что ответить. Молчишь и смотришь ей в лицо. Как это приятно видеть живые глаза, не те, что у горожан, похожие на мокрый бетон. Не те, что у твоих друзей – бессмысленные, и будто выцветшие. А обычные, человеческие глаза.

– Катька, ну ты работать будешь? – кричит кто-то из стоящих рядом с черноволосой гитаристкой.

Девушка смеется, перехватывает шапку и прыжками направляется к проходящим мимо людям. А ты продолжаешь слушать – время течет насквозь эфирным песком. И вдруг ты спохватываешься. Время! Закидываешь на плечо сумку и бежишь к таксофону. Ты видела его еще в самом начале улицы, и, добравшись, успела запыхаться. Снова запихнуть карточку в щель приемника, дрожащей рукой настучать номер на клавиатуре. Гудок, другой, бросили трубку... И что же теперь делать? Ты дышишь на стекло и рисуешь на нем крестом. Стоишь и немного смотришь на него. Потом идешь обратно. Может быть, там еще поют?

А там уже все разошлись, и только девушка, просившая денег, осталась. Она стоит, прислонившись к столбу, и смотрит на тебя. В руках у нее бутылка дешевого пива. В зубах – сигарета. Девушка жует фильтр, так, будто хочет его отгрызть и чего-то бормочет, изредка поглядывая в небо. Ты садишься на парапет фонтана и смотришь на воду. Подойти? И что ты скажешь?

Но все решается само. Девушка прыжками (интересно, она как-нибудь еще передвигается?) приближается к фонтану.

– Хая! Меня Катька зовут! Иногда Кошка, ну или еще как. А ты кто?

Ты отвечаешь. Губы двигаются, но ты будто не слышишь собственного имени. Какая разница?

– Круто. А я вот тут, тусуюсь. Наши все свалили. Ты то давно в Москве? Я сразу поняла, что ты не отсюда. А я вот позавчера трассой пришла, а сейчас думаю еще немного лета дождаться. А ты то зачем тут?

Ты объясняешь. Ее лицо изменится, в нем появляется некий намек на жалость.

² Ольга Тишина

– Ну, типа мечта это круто. А я вот забила давно на учебу. Не интересно. Мать говорит, что надо мол, а мне все равно. Ну нахуя, скажи мне? Будешь офисным работником? Единственный выход, ага! Так она еще говорит – обязательно в технический, там мальчишек много. Вроде как кто-нибудь да выберет, пожалеет сирую да убогую...

Так проходит время. Кажется, будто фонари начинают светить ярче, их свет отражается в мокром асфальте. Но теперь они уже не кажутся просто лампами.

Девушка смотрит на тебя и зашвыривает пустую бутылку пива за спину. Звенит стекло – разлетается сотнями осколков, сверкающими в фонарной пляске. Где-то там за фонтаном люди пляшут и обнимаются.

– Ну, ладно, я пошла, пожалуй. Ты тут еще потусишь? – говорит Катька, глубоко затягивается, потом бросает окурок на мостовую и втаптывает его ногой. Умирающие искорки размазывает по камню черным.

– Мне некуда больше идти, – ты говоришь это, и нервно перебрасываешь сумку в руках.

– Эй, ты чего? У тебя что, в Москве вписки нет?

От удивления девушка вытягивает из пачки еще одну сигарету. Потом закуривает, выпускает дым, и недоуменно смотрит на него.

– Чего? – произносишь ты, с трудом выталкивая слова сквозь губы.

– Ну, типа места где остановится, – нетерпеливо отвечают тебе.

– Нет. То есть, у меня было. Но я туда звонила, а там бросают трубку, – тебе начинает казаться, что все происходящее просто какая-то история, которая происходит не с тобой.

– Ну и чего будешь делать?

– Не знаю. Наверное, тут сидеть.

– Ты чего, дура, ночью в городе, одна? Да еще в Москве?

Девушка, похоже, разозлилась. Она переламывает сигарету и шепчет про себя:

– Черт, как курить надоело.

– А что мне еще делать? Мне идти некуда.

– Знаешь, есть такая примета. Хорошему человеку не может быть некуда идти. Так, пошли, я тут в одном месте вписываюсь, там тесновато правда. Тут недалеко.

Девушка подхватывает сумку и бежит вперед. Ты сидишь на месте. Она останавливается.

– Ну, ты чего тормозишь то? – говорит она, притопывая от нетерпения ногой. – Пошли, пошли, замерзнешь тут вообще, на дворе не май месяц, а вовсе даже июнь, или менты загребнут, а у тебя, небось, и денег нет.

Ты встаешь и идешь за ней, недоуменно оглядываясь. Пройти мимо людей, остановиться у метро. Войти внутрь, и посмотреть на турникеты.

Катька прыгает через них.

– Хей!

И ты за ней.

– Женщина, вы охуели? – несется вслед.

– У нее все равно денег нет! – кричит Катька и тащит тебя за руку вниз по эскалатору. Если ты отчаялась и опустила руки, но тебе очень нужно что-то, всегда найдутся люди, которые тебе помогут.

V. Мир

*Телефонный звонок
Вырывает из ночи
Ты сказал угу
И сорвался вперед в рассвет
Пепел сонных дорог
Переулками прочих
Ты курил на бегу
Серый пепел своих сигарет*

На маленькой кухне, облицованной битой плиткой, горит свет. Старенькая забрызганная плита, на ней стоит казан, в котором готовится еда. И несколько человек ждут. Женщина с темными волосами что-то помешивает внутри.

– Ну е-мое, когда там хавка, будет? Охота уже! – говорит один из людей. Он в пестром берете. Он затягивается сигаретой, и приглаживает рукой грязные, крашенные в рыжий цвет волосы, спадающие на плечи.

– Могу тебе холодного наложить, Джин... В отдельную миску, ххех, – ехидно отвечает ему черноволосая.

– Дура вы, Елена Ивановна, – говорит Джин, и забрасывает сигарету в пепельницу. Бычок продолжает дымиться, серый туман поднимается к потолку.

– Убей его. И так дышать нечем! – с неприязнью поглядывая на дымящийся окурок, говорит черноволосая. – Накурили тут.

– Да ладно тебе, – парирует Джин и вытягивает из пачки еще одну сигарету. LD, красный. Полный вкус бумаги. Только сейчас и только для вас – рак легких за ваш счет и с доставкой на дом. Зажигалка выплевывает огонек и набивка вспыхивает. Дым.

– А вот и не ладно! Сколько раз договаривались на лестничной клетке курить! – отмахиваясь рукой и хмурясь, говорит Елена Ивановна.

– Угу, придет бабка и опять будет пилить полчаса – вертеп тут, мол, устроили! – парирует Джин и в очередной раз затягивается. Потом спрашивает:

– Кстати, когда она в последний раз милицию вызывала?

Все некоторое время обсуждают, пытаются вспомнить. Положение осложняется тем, что обитатели квартиры далеко не всегда сидят дома, а некоторые и вовсе ничего не слышали о феномене бабки.

А ведь у каждой вписочной квартиры есть феномен бабки. Обязательно найдется старая женщина, которая будет вечно ходить, смотреть, как кто живет, допытывать подробности. А потом обязательно вызовет милицию – ведь она, по мнению бабок, должна бороться с несовпадением мировоззрения ее и других людей.

В конце концов, общее мнение устанавливается.

– Давно, уже два дня как, – говорит Елена Ивановна, открывая окно. Джин, сидящий в кресле, не вылезая из него, пытается отодвинуться подальше от ветра.

– Ага, боится чертяка святого духа! – восклицает женщина. Джин пожимает плечами:

– Холодно. Да, давненько бабки не было, – на некоторое время задумывается, а потом продолжает, – кстати, слышали историю? Тут день рождения отмечали. И Иннес в магазин за добавкой пошла. И бабку встречает. Та ей и говорит – вы, мол, из той квартиры? Ну, она говорит, да, мол. А бабка ее спрашивает – ну и вы хоть представляете, что там происходит? Та отвечает – ага, ну и что такого? Бабка говорит – и вы типа это не осуждаете? Ну, та говорит – нет, не осуждаю. А бабка ей – проститутка!

Все смеются. Женщина тем временем снимает с огня казан и ставит его на табуретку.

– Е-мое, ну опять вилки не помыли. Жрите грязными, – говорит она и двумя пальцами вылавливает вилку из раковины.

– Слушай, а ложка где? Ты же знаешь, я вилками не ем, – говорит Джин.

– Ну, похоже, ты выиграл лотерею. Как раз ложки-то и чистые. На... Вечные похороны... – Елена Ивановна отодвигает ящик стола и передает Джину ложку.

Все набрасываются на еду.

– Хряпа! – с набитым ртом говорит Джин.

– И ничего не хряпа, а ирландское рагу! – отвечает Елена Ивановна.

– Там крыса есть? Нет? Значит хряпа, – парирует Джин. Слышится звук открывающейся двери – она слегка скрежещет, потом ударяется об стену.

– Ого, Катька пришла. Как раз жрать закончили. Ща бузить начнет, что ничего не оставили, – отправляя последнюю порцию в рот, бормочет кто-то.

– А нефиг так тормозить. Два часа назад работу закончили. Небось опять пиво бухала, тонкая душевная организация, – усмехается Джин.

Тем временем Катька входит на кухню, осматривает всю честную компанию и говорит.

– Ну, как всегда, все схавали.

Она стоит посреди помещения и лучится улыбкой. Сразу видно, что она что-то задумала. Правда, этого никто не замечает. Джин выгибается через ручку кресла и выуживает из-под стола яркий пакет, роняет сигарету, подпрыгивает в попытке потушить ее, обжигается.

– Фу блин, Катька, все ты. Вот хлеба немного оставалось. Можешь пожевать.

– Да я помню. Сама и покупала, – отвечает и вытаскивает из кармана пачку сигарет. Ява суперлегкая, ваши легкие станут просто супер. Кошка ищет глазами зажигалку, находит ее и пытается добыть огонь. Это получается только с третьего раза, потом Кошка подносит язычок пламени к глазам, и несколько секунд смотрит на пляшущий огонек. Закуривает, выпускает дым, а потом говорит хриплым голосом:

– А я вот вам гостя привела.

– Ну, давай, зови своего гостя. Вечно своих мужиков понатаскиваешь, – недовольно говорит Елена Ивановна, относя тарелку в раковину, – опять пьянствовать всю ночь будете?

– Смотрите глубже, Елена Ивановна! – хихикает Джин, подмигивая ей.

Катька грозит Джину кулаком, и выскакивает из кухни. Все снова принимаются за еду. Потом Кошка вбегает, таща за собой девушку. Надо сказать, что ничего при этом особенного не происходит – не начинает сиять за окном звезда, никто не давится едой. Да и чего тут смотреть? Очередная вписчица подвалила, ну мало ли их тут шляется. В конце концов, это такая традиционная жизнь квартиры. Кто-то приходит, кто-то уходит, и только Джин, как самый главный и почитаемый хозяин – остается. Он просто владелец квартиры. Именно поэтому он единственный сейчас обращает внимание на новоприбывшую. Но, конечно же, не обращается к ней напрямую. Это тоже своего рода этикет.

– Катька, а мы и не знали, что ты... – говорит Джин и многозначительно замолкает. Потом корчит серьезную физиономию. – Явная недоработка мужчин квартиры!

Джин вовсе не хочет никого обидеть. Это традиционная подколка в сторону Катьки, которая никак не принимает Джиновы знаки внимания. А что Елена Ивановна? Ну, ей все равно. Она не обижается. Не обижается и Катька. Поэтому она хохочет и говорит:

– Щас тапком кину!

– Ага, ты его сначала найди. Последний мы на прошлой неделе потеряли, – говорит Джин. Потом добавляет, обращаясь к вновь прибывшей: – Ладно, не обращай внимания. Заходи, коли пришла, дели вон с Катькой хлеб. Ты ничего не притащила?

– Нет, я... – тихо говорит девушка. Она, честно говоря, жутко стесняется. Катька ее перебивает:

– Да блин, ну Джин, ну вечно ты, ну ёклмн, ну дай человеку опомниться. Она сутки как из дома ушла.

Джин ухмыляется, и упихивает бычок в пепельницу. Смотрит на сигаретную пачку, потом махает рукой, и, зевая, говорит:

– А, значит, решила Вавилон бросить? Ну, заходи коли так. Велкам хоум, как говорится.

Джин несколько секунд думает, а потом хватает пачку, зажигает еще одну сигарету, и, выдыхая дым, восклицает:

– Кстати! Я тебя вроде где-то видел.

– Она смотрела, как мы работали, – бросает Кошка, – ну и типа мы с ней потусили потом у фонтана.

Внезапно парень, доселе сидевший в углу, встает, кряхтя поднимается, и относит тарелку в раковину. Посуда звенит. Потом он оборачивается к новоприбывшей и произносит:

– Кстати, а ты откуда вообще такая? Вроде не из Москвы, сразу видно. Я вот, кстати, людей из Москвы сразу отмечаю, они какие-то странные, все торопятся куда-то...

– Джерси, да сколько можно, ну вечно ты Москву ругаешь, вот и сидел бы в своем Нижневартовске, или откуда ты там, – перебивает его Кошка.

– Нижнекамске! Да, я вот тут понаехал, – говорит Джерси гордо.

Люди вокруг снова смеются.

– Ладно, чего мы на человека набросились вообще. Пошли, покажу тебе тут все, – говорит Джин. Он поднимается, бросает окурочек в пепельницу, и выходит из кухни в полутемный коридор. Потом останавливается и лекторским тоном начинает: – В общем так, едят тут, спят вон там, а в большой комнате тусуются. Шприцы не курить, а то закопаем на заднем дворе. Ясно?

Девушка робко кивает.

– Спальник есть? А, да, блин, о чем я. Сейчас мы тебе чего-нибудь найдем. Катерина Ивановна, где шит валяется?

– В шкафу, правая дверца, – отзывается та с кухни.

Джин проходит в большую комнату и раскрывает дверцу старого платяного шкафа. Из него моментально вываливаются какие-то драные спальники, одеяла, простыни. Куча тряпья.

– Вот, выбирай себе, только возьми побольше – тут дует, а окна мы все никак не заклеим, влом всем. Сейчас тепло конечно, но щели толщиной в палец. А, ладно. Кошка, слушай, тут твоя гостья тупит, помоги ей.

Катка прибегает из кухни и сразу хватается одной рукой тряпье, а второй ухватывается за девушку и тащит ее в другую комнату.

– Короче, вот ложись в угол, вот тут рядом сплю я, а если тебе потусить охота, то вылезай. Только с Эльфом не ложись потом рядом, даже если он тебя тянуть будет. Ляжешь, а он всю ночь лапаться будет, он такой. Лана, я побежала, тебе еще чего-нибудь нужно?

– Да... Телефон у вас есть?

– Ага, щас найду.

Катка подлезает под кровать и что-то там нажимает. Слышится писк радиотелефона, и она выбегает в соседнюю комнату и практически сразу возвращается.

– Вот он, лови. Все я побежала, давай, спокори, угу? – опять выпаливает она и бежит прочь из комнаты. Девушка останавливает ее.

– погоди. Слушай, а сейчас звонить-то вообще как, не поздно?

– Кому?

– Ну, человеку, который мне предложил... Вписаться.

– Другу?

– Ну... Наверное, да...

– Друг – это тот, кому можно звонить всегда.

VI. Художница

*Нарисуй мне звезду
Да повыше повесь
Путеводную нить
Протяни мне с небес
Чтобы было тепло
В переулках судьбы
Чтобы нить отвела
От злодейки-беды³*

Ты сидишь в пустой комнате и смотришь в окно. Кажется, будто ветви лезут в стекло, сквозь них светит луна. За стенкой – шум голосов. Ты переводишь взгляд на телефон и думаешь. Звонить, не звонить? Наверное, уже поздно. Интересно, он спит? Наверное, нет, хотя, кто знает. Ты набираешь номер. Гудок, второй – бросаю трубку. Набираешь номер еще раз – и с тем же результатом. Кладешь телефон рядом с собой и пытаешься заснуть. Потом открываешь глаза. Виден пожелтевший потолок, который не ремонтировали уже очень давно. Ты переворачиваешься на бок, и дотягиваешься до брошенной сумки, и достаешь из нее папку. А в папке – рисунки. За стеной играет флейта. Доносятся голоса.

– Ну вот, я тут немного похавать принес. Это вот картошка, мало правда. Была еще морковь, но она сгнила и я ее выбросил.

– А бейбика я назову Растиславом. Не Славой, а Растиком. Он у меня президентом будет. Ямайки.

– Джин, понавписывал тут всяких, теперь не пройти не проехать! Дай сюда чаю, все равно там сидишь.

– А сама?

– А я сама тут сижу, а вовсе даже и не там. Если я встану, то буду стоять там, а не тут, и вообще, мне лень, мне лень!

И ты смотришь на бумагу. Как жаль, что ты не смогла взять с собой все! Хотя, этого, наверное, хватит? Ты перебираешь рисунки. Портреты, пшеничные поля, скалы, море. И ты вспоминаешь.

За столом сидят отец и мать. Они вечно сидят за столом, и говорят. Говорят о ценах на рынке, говорят о президенте. Отец еще и газету читает.

Но вот он отрывается от прессы и поворачивается к тебе.

– Милая, – говорит он с издевающейся интонацией, – ты ничего не забыла? Ты должна сходить на вокзал и дядю Лешу встретить. Он же у нас проездом, хоть увидишь его.

Ты вскакиваешь с табуретки.

– Ой, да.

– Не «ой, да», а собирайся и бегом, – назидательным тоном говорит отец.

– А как я его узнаю?

– Сам тебя, небось, узнает. Третий вагон.

Ты набрасываешь на себя легкую куртку и бежишь к вокзалу. Тусклый город – вон там старая водокачка, а за ней поле, на котором растет кукуруза. И, конечно же, вокзал, ты так любишь сюда приходить, смотреть на отъезжающие поезда, чувствовать запах сгоревшего мазута вперемешку с креозотом. Тебе всегда казалось, что именно это дух путешествий.

³ Ольга Тишина

И вот он, поезд. Он стоит уже давно – все разошлись. Неужели ты опоздала? Вбегаешь в привокзальный буфет. За столиком сидит человек, который сразу оборачивается к тебе.

– Дядя Леша? – восклицаешь ты.

– Ага, а кому тут еще быть? Я вот тут поесть пока решил, пока тебя ждал, – говорит он. У него густой, добродушный голос. У него включенные седые волосы.

– Ну что, пойдём? Давай добежим до дома, я сброшу там вещи, ага?

– Я не очень сильно опоздала?

– Да нет...

Вы идёте по привычному маршруту. Дядя Леша шагает быстро, и постоянно забегают вперед.

– Сколько лет я тут не был. Нравится мне ваш город, спокойный, – говорит он, постоянно оглядываясь по сторонам.

– А почему вы у нас не живёте? – удивляешься ты.

– Ну, так у вас скучно. Что тут делать? – резонно замечает дядя Леша.

– Это да...

Вы подходите к дому, ты открываешь своими ключами дверь, закрытую на два замка. Входите внутрь. Отец и мать сразу вскакивают.

– Леша, сколько лет, сколько зим!

– Алексей Васильевич, совсем вы нас забросили! Вы, небось, голодный, с дороги-то? Давайте мы вас покормим и на работу пойдём.

– Нет, я в вагоне-ресторане поесть успел, – говорит он, и подмигивает тебе, – давайте ваша стрекоза мне лучше город покажет!

– Ага, в музей вот ходите, у нас новый совсем! Вся история города за сто тридцать лет существования! И офисное здание построили, тоже недавно, красивое очень, – говорит мать.

– Ну, это мы там разберёмся, давай, попрыгунья, вперед.

Вы снова выходите на улицу, теперь, без сумок, он идет еще быстрее.

– Показать офисное здание? – спрашиваешь ты.

– Да, ладно, чего я их, не посмотрелся. Ты лучше покажи то, что тебе самой нравится.

– Но ведь это, наверное, неинтересно.

– Да ну тебя, глупая. Что может быть неинтересно, если человеку нравится? Веди давай!

И ты приводишь его к песчаному откосу. Ты любишь сидеть на нем теплым летним днем, и смотреть на мерцающее внизу озеро. Далекий лес, кажется, шептывает тебе слова, а убегающая к горизонту грунтовка зовет в дальние страны, хотя ты и знаешь, что она обрывается у складов. Но наверняка дороге хотелось бы вести далеко-далеко, да так, чтобы по ней ехали сотни машин, или шли тысячи людей... А иначе – какая она дорога, раз не хочет этого?

Дядя тоже сначала долго смотрит на воду. Потом кряхтит и садится на землю.

– Ой, да вы чего, тут же грязно! – восклицаешь ты.

– Какая это грязь, это земля...

Ты садишься рядом.

– Если бы я был художником, обязательно бы это нарисовал. Но, увы, нету во мне таланта, – он мечтательно смотрит вдаль, вытаскивает из кармана мятую пачку Явы и закуривает. А ты практически не замечаешь, ничего вокруг. Только смотришь на сверкающую гладь озера. И твои губы сами выговаривают слова.

– А я рисовала.

– О, так ты рисуешь? – удивляется он. – Покажешь?

– Ну, зачем это вам?

– Слушай, я же тебе говорил. Интересно.

Вы еще долго гуляете по городу. Ты показываешь ему сосну, в которую ударила молния, и самый большой в округе муравейник, и руины старого коровника.

- Когда-то здесь был совхоз-миллионер. Но потом стало ненужно.
- Да, я его помню. Та еще помойка была. Передовая, – неожиданно зло говорит он. Потом вы возвращаетесь домой. Мать с отцом еще не успели прийти с работы, и вы проходите в кухню и наливаете чай.
- Ну-ка, давай, показывай, что нарисовала. Ты вытаскиваешь папку с рисунками.
- Только родителям не говорите. Им не нравится.
- Я что? На болтуна похож?
- Он смотрит на листы альбомной бумаги.
- Слушай, а здорово! Я давно такого не видел. Ты училась где-нибудь?
- Нет, я просто рисую...
- У тебя талант, настоящий, тебе обязательно учиться надо. Ты же в художника вырасти сможешь. Может, давай я с папой и мамой твоими поговорю?
- Нет, ну что вы! – пугаешься ты.
- У меня получится. Правда. Ты же, как раз, в следующем году школу заканчиваешь? Самое время, ну что ты тут делать будешь? Дояркой работать?
- Я пока не знаю. Родители обещали устроить.
- Ага, в магазине колбасой торговать. Дай еще посмотреть лучше...
- И он продолжает смотреть твои рисунки. Их еще никто так внимательно никогда не рассматривал.
- А вечером ты сидишь в комнате и вслушиваешься в разговор за стеной.
- Нет, ну Леша, я тебя конечно понимаю. Ты все жалеешь, что в детстве тебя в музыкальную школу не отдали. Помню, театрами всякими занимался, время свое тратил. Баловство все это. – говорит отец. По голосу слышно, что он явно скучает:
- Она должна замуж выйти, семью нормальную создать, а не мотаться по всему свету с голой жопой, картинки малевать. Ей профессия нужна!
- Да чем вам художник не профессия? Поражаете вы меня. Вот Пушкин тоже приходил в деревню, а его спрашивали, где он работает. Он отвечал, поэт, мол, я. А ему говорили – это дело хорошее, а работаешь-то где? И вы такие же, – говорит дядя Леша. Он явно растерян – похоже, не ожидал сопротивления. Он просто плохо знает родителей. Они уже сшили свою жизнь – и теперь считают, что по тем же самым лекалам можно выкроить и чужую судьбу. Потом скрепить доставшимися по наследству нитками. Поэтому они говорят уверенно.
- Ну, ты то ее с Пушкиным не равняй, мала козявка слишком.
- Мала, не мала, а учиться ей все-таки стоит. Вы ее рисунки видели? – уже не надеясь, говорит дядя Леша. Так, просто из упрямства. Его аргументы разбиваются, будто о бетонную стену. В разговор вступает мать:
- Да вот еще время тратить. Как отрезала.
- Все равно ей учиться год. Там разберемся, – поддерживает ее отец. Тема разговора уходит в сторону, все скатывается к обычным проблемам.
- Да вам же выезжать скоро, давайте покушаем на дорожку.
- Леша, ты письмо не забыл захватить?
- Вот, берите чайку, вам картошки наложить?
- Не хочу я есть, я уж лучше пойду сейчас. Там на вокзале посмотрю, может сувенирчиков каких прикуплю...
- Похоже, дядя Леша наконец-то понимает, что смысла в его уговорах нет.
- Может, Леша, я тебя провожу? – облегченно реагирует отец.
- Да ладно, чего ты мотаться будешь. Я дорогу запомнил.
- Они прощаются, и дядя Леша выходит из дома.

– Эй, ты, спишь там? – кричит отец. Ты стараешься не дышать. – Ну, спи.

Отец с матерью укладываются, а ты ждешь. Потом открываешь окно и вдыхаешь летний воздух. И вылезает из окна по стоящему рядом дереву. Обдирая руки о шершавую кору, и мотая головой, стараясь стряхнуть листики, что лезут в лицо. Давненько ты так не убегала из дома. А убегала когда-нибудь? В детстве, наверное.

На вокзале уже стоит поезд. Дядя Леша ждет тебя у вагона.

– Ну вот, и сейчас чуть не опоздала.

– Там родители долго спать не ложились...

– А я думал, у тебя часы сломались.

– Да у меня их и нет.

– Как это нет? Непорядок! Такая большая, и часов нет? На вот, возьми.

И он вытаскивает из кармана старые наручные часы. Потом усмехается: – На память что ли, вряд ли я к вам еще когда заеду. Они мужские, но можно в кармане носить. Извини, больше подарить-то и нечего, не покупать же дребедень всякую на вокзале.

– Ой, надо было вам рисунок какой-нибудь подарить!

– Да ты что. Береги их. Слушай, ты все-таки попытайся, насчет художественного подумай. Может и удастся чего. Жаль времени нет, а то бы я их все-таки убедил, наверное. Нет, ну как давно Павла не видел, а он так изменился. Ты вот что. Скажи родителям, что у меня пожить можно будет, так что общежитие искать не понадобится. Вот телефон, обычно или я, или жена дома. Впиш... в смысле, пристроим пожить.

Поезд слегка дергается, и из двери высовывается проводник.

– Да вы залезать будете? – говорит он.

Дядя Леша смотрит на тебя долгим взглядом.

– Держись, стрекоза, – говорит он и удивительно легко запрыгивает на подножку.

Поезд отъезжает, а ты еще долго смотришь ему вслед.

Как давно и недавно это было! Иногда мы так привыкаем к тому, что происходит вокруг нас, идем по предначертанному пути, и все вокруг тоже привыкают к этому, что нужен посторонний человек, который посмотрит на ситуацию свежим взглядом. И только он может открыть тебе глаза на очевидное.

Вот так и заканчивается воспоминание. Девушка вздыхает и снова смотрит в потолок. И все же, куда он делся? Еще раз позвонить? Наверное, это бессмысленно. Она достает из кармана часы. Половина десятого. Отложить рисунки, устроиться поудобнее на куче тряпья и заснуть. Иногда бывает так, что сделать нельзя ничего. Можно подобно мотыльку биться о ребристое стекло рассеивателя промышленного керосинового фонаря. А можно просто лечь спать, а потом, с утра, найти путь к огню и обрести счастье. Сгореть.

Бумажные листы лежат в углу.

VII. Мир

*Серое пламя дрожит
Брызги огня улетают в небо
Наша задача проста
И где бы я только не был
Флаг над собою нести
Флаг побежденных
Время бескрылых птиц
В небе рожденных*

Она просыпается, перед ее глазами пожелтевший, давно не отремонтированный потолок. В комнате спят люди. Кто-то на кровати, кто-то на полу, завернувшись в спальники. Рядом спит Катька, ее спальник пестрый, рыже-зеленый. Ее рука лежит на девушке. Та еще раз осматривается и откидывает руку. Кошка не просыпается. Слегка толкнуть ее, прошептать на ухо:

– Катька... Слушай, мне нужно идти сейчас. В институт, посмотреть, когда там прием начинается.

Спящая Катька ворочается. Она все еще в объятьях Морфея, видно ночью хорошо погуляли. Тем не менее, она выдавливает из себя, причем не шепотом, а довольно громко (она привыкла не бояться разбудить окружающих):

– Сколько времени?

Девушка садится, лезет в карман джинсов и вытаскивает часы. Те самые, мужские, с потертым кожаным ремешком.

– Уже девять утра.

– Сколько? Да ты убить меня хочешь? В такую рань вставать, с ума сошла. Иди, дверь захлопни просто. Потом возвращайся давай. Хотя погоди... – она приподнимается, толкает Джину. Тот недовольно ворчит:

– Чего тебе, ебта?

– Проездной дай. Ты все равно сегодня никуда не собирался.

Джин ругается, потом лезет под стол, и достает из красного рюкзака картонный угольничек.

– На, только не проеби.

– Но я...

Катька усмехается:

– Ну, ты же не проебешь?

– Нет.

– Ну и лады, – говорит Катька и бухается обратно на пол, – все, я засыпаю, я заснула...

Девушка выскальзывает из-под груды тряпья и проходит на кухню. Там видны следы ночных посиделок – раковина забита грязными тарелками, в пепельницах умершие окурки, на стене надпись помадой «Смерть уже вот». Девушка некоторое время в нерешительности смотрит на надпись, потом подходит к столу, на котором стоит стакан с прозрачной жидкостью. Она поднимает его, нюхает, качает головой и отставляет стакан обратно на стол. Потом подходит к раковине, выбирает наиболее чистую чашку, наливает холодной воды и выпивает. Потом она стоит и в нерешительности смотрит на грязную посуду. Внезапно, за стеной слева кто-то начинает шевелиться. Открывается дверь туалета и оттуда, покачиваясь, выходит Джерси. Он проходит на кухню, кидает мутный взгляд на девушку, потом подходит к крану, открывает его, и пьет холодную воду. Девушка смотрит на него и спрашивает.

– Можно я посуду помою?

– Эээ... Ну, валяй, причиняй пользу, – бормочет Джерси, плюхается в кресло, некоторое время шарит по столу, потом трясушимися руками вытаскивает мятую пачку из кармана и закуривает. Девушка моет посуду, а Джерси выпускает дым в потолок. Вот такое вот разделение труда. Пять минут проходит в молчании – никто не говорит ни слова. Тогда девушка подхватывает сумку, говорит «Пока» и выходит из кухни. Джерси бормочет что-то невнятное вслед.

На улице она понимает, что очень хочет есть. Прямо перед домом расположен маленький магазинчик – из тех, где шампуни валяются на полках вперемешку со спиртным, сникерсы жадно смотрят на покупателя желтыми глазами нарисованного арахиса, а бутылки с абсентом ждут, когда им удастся запустить кого-нибудь в космос на вертолете алкогольно-алколоидного бреда.

У магазина стоит сомнительная компания. Они расположились около потрепанной девятки с открытой дверью. Из салона несется однообразная умца-умца. На капоте машины стоят несколько бутылок с крепким пивом – и это в такую рань. От толпы отходит один парень. У него короткие черные волосы и неприятный низкий лоб. В его глазах отражаются десятки часов занятий в тренажерном зале.

– Не хочешь присоединиться? – говорит он неприятным голосом.

– Нет, спасибо я спешу!

– Ну, так и мы тут ненадолго.

– Нет.

– А закурить не найдется? – говорит он, понимая, что стандартные подходы не действуют.

– Извините, не курю.

– Такая маленькая, а уже такая дура. Ну и хуй с тобой, – разочарованно говорит парень.

Девушка проскальзывает в магазин. Много стариков, которых возраст вышвырнул из-под одеяла в несусветную рань, женщины с когда-то добрыми, но ныне издерганными и остервенелыми лицами. Они бродят между полок, остекленело уставившись на яркие этикетки, и набирают все что под руку попадет.

Девушка проходит мимо стеллажей, уставленных продуктами, и выбирает батон белого хлеба. Пробует помять его, но тот почти не проминается – черствый.

Ни на что другое не стоило и рассчитывать. Девушка подавляет вздох и идет к кассе. Люди мечут на прилавок мятые десятки и пахнущие химией сотни. Кассирши отвечают на это залпами сверкающей мелочи.

Ее очередь медленно подходит. Она кладет батон на заляпанный бело-сиреневый пластик.

– И все? – спрашивает кассирша.

Девушка кивает и смотрит в кошелек. Ситуация там не то чтобы катастрофическая, но весьма и весьма безрадостная. Унылый полтиник делит внутреннюю Монголию кошелек с грязной десяткой. Эдакое кармическое соседство двух разно-одинаковых сущностей. Девушка платит за хлеб и у десятки появляются сестры.

Зато хлеб вкусный. Она вгрызается в него зубами, и выходит на улицу. Потом оглядывается. Вокруг много людей. Пусть они и не обратили на нее внимания, но с детства в голову любого жестко вбито, что при всех есть неприлично.

Поэтому девушка убирает батон в сумку. Тот не влезает полностью и торчит надкусанным куском. Она смотрит на это, и переворачивает хлеб нетронутой частью вверх. Так лучше.

Она доходит до метро. Там она подходит к дежурной, которую опознала по синей форме и красному войлочному головному убору.

– Вы не подскажете, как проехать к...

– Ты чего, дура? Не видишь, вон схема висит! Иди и посмотри сама, я тут не нанималась вам всем рассказывать! – взрывается тетка и тычет пальцем в сторону стены.

– Извините... – выдавливает из себя девушка, подходит к стене и там находит нужную станцию. Пока она ищет станцию, сама того не замечая, откусывает несколько кусков хлеба, и также машинально закидывает остаток в сумку, закрывая ее на молнию. Потом говорит дежурной: – Спасибо.

– Ты у меня тут еще поиздевайся, сука! – моментально начинает вопить та.

Девушка решает, что лучше промолчать, и идет к проходу. Потом останавливается, увидев, что люди проходят через турникеты, засовывая в щели приемников проездные. Она тоже достает свой билет, и после нескольких попыток ей удается пройти. Она становится на эскалатор и едет вниз.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

Не стесняйся спрашивать путь к своей цели. Люди, которые будут на тебя злиться, просто не понимают, какое это счастье, когда у тебя есть, куда идти.

VIII. Мир

*Устав от чересстрочной лжи телеэкрана
Я шел по шороху оранжевой листвы
Смотрел на лица. Как их было мало
Среди шагающей по улицам толпы*

Институты, как известно, начинаются с проходной. И художественный – не исключение. Серое облупленное здание, под завязку наполненное вредными тетками и дедами. Внутри здания традиционно стоит вертушка, специально предназначенная для того, чтобы людям было неудобно ходить. Справа и слева от вертушек обычно находятся окошки, специально зарешеченные для того, чтобы вахтерши не вырвались наружу. Зато они могут кричать.

– Вы куда? – орут из окошка.

– В приемную комиссию, – отвечает девушка.

– Триста двадцатая аудитория, – снова режет по ушам голос.

Девушка входит в институт и оказывается в хитросплетении коридоров, освещенных тусклыми лампами. Подняться по лестнице. Но куда идти совершенно непонятно – однообразная краска покрывает стены, и на них нет никаких указателей. Но вот стоит группа студентов. Спросить у них?

– Вы не подскажете, как пройти к триста двадцатой аудитории?

– О, это сложно. Давай мы тебе нарисуем. – отвечает один из них со светлыми волосами, маленький и в клетчатой байковой рубашке...

Потом студиозусы вытаскивают откуда-то лист бумаги и склоняются над ним. Светленький проводит несколько резких штрихов и отдает бумагу девушке. На листе видна стрелка, упершаяся указательным концом в угол.

– Вот, не забывай поворачивать! – говорят студенты, и ржут, чрезвычайно довольные собой. Девушка комкает лист бумаги и бросает его за спину, а потом говорит.

– Мудачье.

Разворачивается, и идет бродить по полутемным коридорам. В конце концов, накрутив несколько кругов, она находит дверь в приемную комиссию. Там висит табличка с надписью «Художественное мастерство, собеседование». И завтрашнее число.

Ты же не можешь не поступить, если сама судьба хранит, не так ли? Остается толкнуть дверь, войти внутрь, и заполнить несколько бумажек. Так, копия аттестата об образовании, паспортные данные... Все цифры, которыми снабжает нас система, чтобы проще было различать таких разных людей. По номерам паспорта, рассчитайся! Цифры – проще людей.

IX. Художница

*В огнях витрин я видел отражение чуда
Я опускался в беспокойный тихий сон
В глазах машин мне улыбался Будда
Спокойный словно городской неон*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.